

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД СТУДИИ RAAAF: ЛАНДШАФТЫ АФФОРДАНСОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕРХНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Тимофеевко Анастасия Игоревна — аспирант.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мяс-
ницкая, д. 20.
ORCID: 0009-0004-2509-7467
timofeenko123@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена энвайронментальному методу в художественных практиках нидерландской студии Rietveld Architecture-Art-Affordances. Студия, основанная архитекторами братьями Рональдом и Эриком Ритвелдами в 2006 году, участвует в трансформации современного эстетического поля, дрейфуя вместе с когнитивистикой рубежа веков от понимания познания в терминах переработки информации к его трактовкам как процесса коэволюции организма и среды. Анализируя проекты «The End of Sitting» (2014) и «Breaking Habits» (2017), автор демонстрирует эвристический потенциал экологического мышления в энактивизме Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош и экологической психологии Дж. Гибсона для современного искусства и дизайна. Особое внимание уделяется интенсификации взаимодействия тела и среды в ландшафтах аффордансов, создаваемых RAAAF для подрыва ригидных способов существования, и ре-фигурации поведенческих паттернов. В художественных практиках студии автор обнаруживает экологические стили проектирования

Ключевые слова: студия RAAAF, энактивизм, дизайн, художественные интервенции, утопический импульс, энвайронментальный метод, телесность, среда, ландшафт аффордансов, полифункциональные поверхности.

В 2014 году голландские архитекторы Эрик¹ и Рональд² Ритвелды, основатели междисциплинарной студии RAAAF (Rietveld Architecture-Art-Affordances), и художница Барбара Виссер представили проект «The End of Sitting» в выставочном центре «Looiersgracht 60» в Амстердаме. Арт-инсталляция из поверхностей, соединенных под разными углами, позиционировалась авторами как экспериментальная альтернатива сидячему образу жизни. Вместо закрепления между стулом и столом архитекторы предложили офисному человеку расширить репертуар поз за счет телесных положений, занимаемых в контакте с динамичными поверхностями. Об экспериментально-экологической альтернативе «сидению», представленной RAAAF, СМИ писали как о самом странном, новом, зовущем «никогда не садиться» концепт-офисе будущего [Rhodes, 2014, Williams, 2014, Office Furniture of the Future, 2021].

В этой инициативе, нацеленной на поиск новых способов взаимодействия человека и среды, можно различить продолжение художественных экспериментов XX века — от утопических проектов русского авангарда до нового урбанизма Уильяма Уайта, проектирующего комфортный и человекомерный город. Следуя за Ф. Джеймисоном, который различает утопическую программу и утопический импульс [Jameson, 2005], автор трактует разработки голландских архитекторов не как утопию *будущего*, но как импульс, побуждающий к артикуляции ограничений *настоящего* и внесению микро-изменений в повседневность. Утопическая

¹ Эрик Ритвелд (1969) — философ, старший научный сотрудник Амстердамского университета. Был младшим научным сотрудником Гарвардского университета, приглашенным ученым в Институте нейрологии имени Хелен Уиллс в Калифорнийском университете в Беркли.

² Рональд Ритвелд (1972) — архитектор, выпускник Амстердамского университета искусств и призер премии Prix de Rome (2006).

программа, по Джеймисону, системна, монолитна, нацелена на революционный масштаб проекта, радикально отдалена от настоящего и в то же время некритически «наследует» ограничениям существующего символического порядка. Тогда как утопический импульс, неопределенный и спонтанный, обеспечивает приостановку порядка и расширение возможностей для креативного действия. Он ассоциируется с брожением, игрой воображения, вспышкой и критическим осмыслением идеологических рамок [Джеймисон, 2011: 18]. Проект RAAAF не только деавтоматизирует рутины повседневности, но и создает пространство возможностей для освобождения офисных тел. Архитекторы не замещают один символический порядок другим, но делают отношения человека со средой насыщенными. Их проект можно сравнить с раствором, где устанавливаются и выкристаллизовываются новые связи и свойства.

Именно средовой метод RAAAF, как я покажу, запускает и поддерживает утопический импульс. Здесь востребованы энактивизм Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош [Варела, 2023] и экологическая теория восприятия Дж. Гибсона [Гибсон, 1988], которая остается одним из главных источников вдохновения при пересмотре представлений о камерном сознании и интрапсихической реальности. Представляя в 1991 году энактивный подход, Варела, Томпсон и Рош отказались от компьютерной метафоры познания/сознания в пользу коэволюции и плотного взаимодействия человека и среды. Открытость RAAAF к разработкам когнитивистики рифмуется со специализацией одного из создателей студии: Эрик Ритвелд работает в университете Амстердама на стыке философии сознания, феноменологии, психологии и нейронауки.

На примере двух проектов («The End of Sitting», «Breaking Habits») я покажу, как RAAAF переносит наработки средовой когнитивистики (энактивизма) в сферу современного искусства и дизайна. Начав с характеристики теоретической базы междисциплинарной архитектурной студии, я опишу специфику ее подхода к взаимодействию человека и среды, а затем сосредоточусь на анализе ландшафтов аффордансов.

Теоретические опоры экологизма RAAAF: между психологией и когнитивистикой

В названии группы «Rietveld Architecture-Art-Affordances» включен *аффорданс* — термин, изобретенный американским психологом Дж. Гибсоном в рамках экологической психологии [Гибсон, 1988]. Для Гибсона восприятие — это одновременно свойство

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод студии RAAAF: ландшафты аффордансов и экспериментальные поверхности существования

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

психического устройства и активного взаимодействия со средой: «Для его осуществления необходимо, чтобы наблюдатель активно передвигался, смотрел по сторонам и рассматривал объекты окружающего мира» [там же: 213]. Утверждая неразрывную связность разума, тела и окружающей среды, Гибсон считает необходимым разграничить *мир* как внешнее физическое пространство и *среду* как пространство обитания и активности, предоставляющей организму возможности для действия или аффордансы: «Аффордансы окружающего мира — это то, что он представляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает, неважно, полезное или вредное ... нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» [там же: 188]. Критика редукции офисной жизни к сидению и стулу, производимая RAAAF, в этом свете выглядит критикой аффордансов.

Популярным подход Гибсона, однако, сделала не психологическая наука, где учение об аффордансах оставалось нишевым, но объектно-ориентированный дизайн. В 1988 году американский теоретик дизайна Дональд Норман в знаменитом «Дизайне привычных вещей» [Norman, 2013] с помощью понятия Гибсона описал отношения между объектами, сконструированными дизайнером, и пользователем: «Аффорданс — это связь между свойствами объекта и возможностями агента, которые определяют, каким образом объект может быть использован» [ibid: 11]. Впоследствии аффордансы, ставшие одним из краеугольных камней UX-дизайна, обозначали меру его дружелюбия — способность проектируемых объектов и цифровых сред делать возможные действия с ними интуитивно понятными для пользователя. Искусственные аффордансы, по сути, материализуют взаимодействие дизайнера с пользователем, позволяя разработчику преобразовывать среды обитания и жизнь людей посредством заданных свойств спроектированного объекта. Обращаясь к аффордансам, RAAAF задействует потенциал их двойной трактовки — эколого-психологический и проектный, рассчитывая и усиливать взаимодействия человека со средой, и изменять их: «В отношении взаимной детерминации и взаимного созидания находятся живой организм и познаваемая и осваиваемая им среда (Umwelt), жизненные среды различных живых организмов и популяций, составляющих тем самым экологический ландшафт, жизненные миры отдельных людей и сообществ, объединяющиеся в единый Umwelt» [Князева, 2014: 150].

Развитие экологического подхода сопровождалось, как отмечает Елена Князева, разработкой специализированного тезауруса, позволяющего характеризовать средовые воздействия и

взаимодействия. Речь идет об «Umwelt», предложенном биологом Якобом фон Исклюлем для характеристики окружающего мира, который организм формирует и к которому приспосабливается [Uexküll, 1909]; о поле, описанном психологом Куртом Левиным как жизненном пространстве индивида и валентности вещей [Левин, 2000]; аффордансах Гибсона как экологических основаниях мира; экологии разума антрополога и психиатра Грегори Бейтсона [Бейтсон, 2000]. Формулируя общее основание, Князева подчеркивает, что «всюду указывается на живую и непосредственную связь живого организма и среды ... Umwelt — это созданный нами окружающий мир, обратно влияющий на нас самих... Эта теоретическая позиция становится в настоящее время достаточно популярной и получает название *extended mind* и *extended life*. Но ведь это и есть энвайронментализм, экология человеческого действия, коммуникации и познания» [Князева, 2014: 152].

И все же именно средовой когнитивизм или энактивизм стал для создателей RAAAF главным проводником в экологические миры современности. Формулируя в «Отелесненном уме» основания энактивизма, Ф. Варела с соавторами обозначают гносеологическую дилемму когнитивизма — выбор между курицей и яйцом, реконструкцией предзаданных свойств мира и пси-проекциями, — лишь для того, чтобы сформулировать взаимную спецификацию в отношениях человека и мира в качестве комплексной альтернативы обеим крайностям [Варела, 2023: 314]. Описывая взаимодействие со средой через воплощенное действие (*embodied action*), энактивисты отмечают два момента. Во-первых, познание рассматривается как производная от разнообразия опыта, получаемого посредством «тела, обладающего различными сенсомоторными способностями». Во-вторых, сенсомоторные способности индивида встроены в широкий биологический, психологический и культурный контексты [там же: 315]. Энактивисты подчеркивают значение сенсомоторных механизмов в их ситуационном функционировании, определяющих возможности индивида действовать в среде и быть движимым ею.

Среда в свою очередь принимает форму и очертания в перцептивном акте обитателя, воплощаясь с ним вместе. «Само тело как инструмент познания, ищущий и познающий отелесненный разум и познаваемая им окружающая среда, когнитивное усилие как активное действие рассматриваются в их взаимно обуславливающей, синергичной связке» [Князева, 2014: 8]. Накапливая значимые аффордансы, организм адаптируется, использует и меняет среду, готовя собственное преобразование: «Именно сам организм — в соответствии с собственной природой своих рецептов, порогами восприятия своих нервных центров и движениями

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Рис. 1. RAAAF, Barbara Visser. The End of Sitting. 2014. Фрагмент из видео «The End of Sitting 1:1». Источник: <https://vimeo.com/123389881>

органов — отбирает те стимулы в физическом мире, к которым он будет чувствителен. Среда (Umwelt) возникает из мира посредством актуализации или бытия (being) организма» [Merleau-Ponty, 1963; цит. по Князева, 2014: 228].

Энактивистские разработки Варелы, Томпсона и Рош стали частью интердисциплинарного пространства современной когнитивистики³, представленного в виде зонтичной концепции «4E-cognition». Познание здесь определяется через четыре характеристики, производные от действия, как воплощенное (embodied), встроенное (embedded), расширенное (extended) и энактивное (enactive). В своих разработках RAAAF обращается не только к исследованиям создателей энактивизма, но откликается на весь спектр «4E cognition»⁴, определяющих познание как активное, телеснодетерминированное действие в среде.

Тело. Среда. RAAAF

Критика избыточной и нездоровой оседлости ведется давно и к голландской инсталляции не сводится. Достаточно вспомнить

³ См. исследования Шона Галлахера, Дэниала Хутто, Эрика Мина, Ламбруса Малафуриса и многих других: The Oxford Handbook of 4e cognition, Newen A., De Bruin L., Gallagher S. (ed). Oxford: Oxford University Press, 2018.; Gallagher S. Embodied and Enactive Approaches to Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.; Hutto D., Myin E. Evolving Enactivism. Cambridge: MIT Press, 2017.; Malafouris L. How Things Shape the Mind. Cambridge: MIT Press, 2013. и другие.

⁴ Например, RAAAF откликается на теорию материальной вовлеченности Л. Малафуриса или сенсомоторный энактивизм А. Ноэ: Malafouris L. How Things Shape the Mind. Cambridge: MIT Press, 2013.; Noe A. Strange Tools. New York: Hill & Wang, 2016.

о производственной гимнастике, борьбе с гиподинамией, моде на ЗОЖ, разработке моделей столов для работы стоя и цифровых инструментах, осуществляющих мониторинг активности в режиме 24/7. Специфика подхода RAAAF к телесному освобождению заключается в том, что вместо доктрин и новых дисциплин ставка делается на создание инфраструктур, интенсифицирующих взаимодействие тела и среды в их ко-детерминации.

В основу инсталляции «The End of Sitting», впервые представленной в амстердамской галерее «Looiersgracht 60» в 2014 году, заложен отказ от линейного зонирования, создания ячеистой решетки офиса и привычного разделения помещения мебелью в пользу перетекающих друг в друга нерегулярных поверхностей, дробящихся уступами. Монолит, изготовленный из светлого пластика, не только не задает фиксированного способа локализации, но и побуждает экспериментировать с наиболее комфортными местоположениями, прилаживаясь к пространству.

Офисная мебель, альтернативу которой предлагает RAAAF, ставит знак равенства между работой и положением сидя. Она изготавливается в расчете на длительное сохранение этой позы в качестве общепринятой, социально приемлемой и удобной. Вращающееся, подвесное и откидное сидения, сидения с регулируемой высотой или на колесиках [Вигарелло, 2024: 396] позволяют сидеть в разных обстоятельствах, закрепляя функциональную гегемонию позы. Сидение проектируется таким образом, чтобы до вещей и инструментов можно было дотянуться, не вставая. Создавая условия для длительного погружения в рабочий процесс, мебель участвует в отчуждении человека от тела — позволяет «часами сохранять неподвижную позу для того, чтобы рассматривать предмет “вполне объективно”, как будто тебя самого тут и нет» [Строкина, 2007: 296]. Игнорируя первичные болевые ощущения, работник адаптируется к дискомфорту и тонической усталости. Чувствующее тело в офисе отходит на второй план, становясь белым шумом или предметом эргономической регуляции, оптимизации и экономии: «Рычаги при работе стоя должны быть на уровне плеч ... и на уровне локтей при работе сидя ...» [Вигарелло, 2024: 395].

И, напротив, в среде «The End of Sitting» многообразие поверхностей позволяет субъекту осваивать и обживать окружающее пространство посредством широкого спектра нефиксированных и нерегламентированных поз. Можно стоять, слегка облокотившись спиной или используя поверхность перед собой для письма; сидеть в полузакрытом, изолированном «уголке» или на возвышении; лежать, читая книгу и т.д. Форма инсталляции спроектирована архитекторами так, чтобы в одном положении было удобно находиться не дольше часа, побуждая к постоянной смене поз, поскольку «вредна

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

не сама поза, а время пребывания в ней» [Строкина, 2007: 302]. Так, застывшее офисное тело, производимое комбинацией столов-стульев, лишается устойчивого местоположения и обретает подвижность в ходе адаптации к динамичному ландшафту.

В «The End of Sitting» тело освобождается и в своем физическом действии, и в субъективном переживании, становясь центром знания об окружающем мире, приобретенном в действии и взаимодействии с ним (*энакции*). После раскрепощения и деавтоматизации тела-объекта в нем можно уже без специальной феноменологической редукции разглядеть основание существования, о котором Морис Мерло-Понти писал безотносительно к эффектам инсталляции RAAF: «Мы сами существуем в мире посредством нашего тела и воспринимаем мир при помощи нашего тела.

Вновь обретая таким образом контакт с телом и миром, мы обретаем самих себя, поскольку, если я воспринимают при помощи тела, тело — это естественное «я» и, так сказать, субъект восприятия» [Мерло-Понти, 1999: 265].

В инсталляции RAAAF тело не только адаптируется под множество поверхностей, но и само становится отправной точкой для их конфигурации. На этапе проектирования архитекторы проводили эргономическое исследование различных положений тела, их удобства/неудобства для создания своих полифункциональных конструкций. Отталкиваясь от тела — в духе аффордансов уже не Гибсона, но Нормана, — дизайнеры проектируют новые среды обитания. Исследование телесности и оптимальных местоположений, начатое архитекторами на подготовительном этапе, может продолжаться в частном порядке, если индивид использует инсталляцию для выявления своих возможностей и потребностей. Исследование себя и мира, опирающееся на пробы местоположений, позволит современному работнику не только принимать во внимание собственное тело, но и создавать новые телесные паттерны офисной работы, де-рутинизируя повседневность.

Энактивный метод студии RAAAF можно различить в том внимании, что участники группы уделяют динамическим отношениям взаимодействия, со-настройки и со-производства тела и материальной среды. Ведь именно ее, а не стабильное, определенное и структурированное офисное *место* создают архитекторы и дизайнеры как пространство обитания и взаимодействия, движения и действия, изучения, внимания, мышления и изменения [Mitchell 2002: viii]. Впрочем, экологически прочитываемая среда обитания при ближайшем рассмотрении оказывается пластичнее и математически, и социологически прочитанного пространства, о котором пишет Томас Митчелл, суммируя идеи Анри Лефевра. Здесь «вместо геометрических точек и линий у нас есть <...> пункты наблюдения и пути следования <...> Понятие среды, следовательно, отличается от понятия пространства, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены какой бы то ни было уникальности» [Гибсон, 1988: 54]. Студия RAAAF ориентирована на создание таких сред и экспериментирование с ними.

Ландшафты аффордансов и поверхности существования

Пространство, которое создается в «The End of Sitting», архитекторы RAAAF называют «ландшафтом аффордансов», тем самым, подчеркивая, что основу пространственной связности здесь

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

В определении аффордансов как «возможности действий, которые среда предлагает форме жизни» [Rietveld, 2014: 328], RAAAF следует за Гибсоном и, как кажется, Витгенштейном. Ведь это он, прагматически трактуя язык, писал о языковых играх как о формах жизни, задаваемых способами употребления и задающих их [Витгенштейн, 2010]. Другое дело, что на первый план здесь выходят корпореальные формы жизни и многообразие воплощений, практикуемое во взаимодействии с социальным и материальными средами.

При проектировании офисного пространства создание удобных рабочих мест предполагает консервативные и универсальные решения для работников, поведение и существование которых регламентировано и предсказуемо. Учитывается средняя масса тела и средняя продолжительность рабочего дня, паттерны работы с документами и бизнес-коммуникации. Посылка проектировщика, исходящего из того, что удобная рабочая поза может быть только одна, находит продолжение в действиях потребителя, который выбирает не удобную позу, но удобный стул. RAAAF подрывает эту стабилизацию, демонстрируя изменчивость локализаций и местоположений. Студия проектирует среду, новая встреча с которой может дать новые способы адаптации.

136

Рис. 3. RAAAF. Breaking Habits. 2017. Фрагмент фото инсталляции. Источник: https://www.raaaf.nl/nl/projects/1106_breaking_habits/1167

постоянное климата, прочнее политической системы, старше самой истории» [Виха, 2021: 149]. Атемпоральность и неизменность объектов и сред, поддерживающих существующие паттерны поведения, не позволяют разглядеть нормы и блокирует не только их ревизию, но и само стремление к поиску альтернатив.

В ландшафтах аффордансов, создаваемых RAAAF, основным рабочим элементом становится сложно организованная, складчатая, поверхность. И если Джулиана Бруно рассматривает поверхность как воплощение отношений материальности к эстетике, технологии и темпоральности [Bruno, 2014: 2], то у проектировщиков новых сред из Амстердама, как кажется, другие ориентиры. Они следуют, скорее, за ранним Делезом [Делез, 1998] и Гибсоном, которые отмечают исключительное значение поверхности для жизни, события и событийности самой жизни: «Поверхность — это то место, где разворачиваются основные события. Поверхность — это то, с чем соприкасается животное» [Гибсон, 1988: 46].

Сложные и неконвенциональные поверхности «The End of Sitting» интенсифицируют взаимодействие тел и окружения. Здесь приобретает значение не столько воздействие инсталляции на обитателя (побуждает стоять, а не сидеть) или обживание поверхности обитателем (превращение в поверхность для письма, например), но сама встреча тела и поверхности данной среды, характер встречи и кристаллизация отношений (то, как абстрактная поверхность предлагает себя в качестве поверхности письма и обретает это качество в действиях человека). Вместе с тем, объекты, проектируемые RAAAF, сопротивляются формализации и любым формам завершенности, способствуя преобразованию складок пространства в складки опыта, «бесформенные» и пластичные, предлагающие «вместо *границ*, где вещи оканчиваются» [Сендра,

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

2022: 58], *края*, становящиеся линиями перехода, протяженности, движения.

Еще более пластичные и складчатые поверхности существования RAAAF создает в проекте «Breaking Habits» (представленном в пространстве фонда визуальных искусств «Mondriaan Fund» в 2017 году в Амстердаме), продолжая свои эксперименты с деавтоматизацией рутин. На этот раз пересматриваются уже не офисные шаблоны, но устойчивые формы местоположения во время отдыха. Инсталляция представляет собой необычную гостиную, смоделированную из ковровой ткани. Ее крепление к железным балкам на потолке позволяет изменять конфигурацию пространства, задаваемую складками, исходя из нужд пользователя.

Ковры, которые прежде бросали на пол или развешивали на стенах, стали динамичными несущими конструкциями и номадическими поверхностями, опровергая и выворачивая наизнанку тезис Флюссера: «Для культуры шатров ковер является тем же, чем для культуры домов является архитектура. Но, вырвавшись из шатра и перелетев степь, ковер через окно влетел в нашу квартиру, и теперь наши полы стали подкладкой для ковров, а ковры — просто предлогом» [Флюссер, 2016: 124]. В гостиной от RAAAF, как зачастую и в мирах современного досуга, устойчивость *опоры* сменяется текучестью и пластичностью *поверхности*. Внутри «Breaking Habits» отношения тела и поверхностной среды становятся разнообразнее и усиливаются скольжением, пластичностью и невозможностью окончательной фиксации складки. Привычный сценарий взаимодействия человека и материального мира не заменяется другим, но раскрывается в сторону непрерывно обволакивающей и вариативной сонастройки. Если верить Флюссеру, ковер является идеальной материей для проектирования номадических поверхностей существования: «Ковроткачество — это процесс, в котором поверхность ополчилась против собственной опоры, основы... То, что ковры производят достаточно статичное впечатление — лишь иллюзия: ковер выполнен в рваной, будто бы даже алеаторической технике, опирающейся, в свою очередь, на статичный набросок» [там же: 124].

Как кажется, отказ от опоры, который последовательно реализует в своих проектах RAAAF, рифмуется с отказом от стабилизации в эпистемологическом, этическом, политическом проекте энактивизма: «Мы обнаружили, что не можем выделить никакой субъективной основы, никакого неизменного и постоянно пребывающего это-«я». Попытавшись отыскать объективную опору, которая, как нам казалось, все же должна существовать, мы обнаружили мир, энаktivированный нашей историей структурного сопряжения. Наконец, мы увидели, что эти различные формы

безопорности суть одно: организм и среда обволакивают друг друга и разворачиваются друг из друга в фундаментальном замкнутом круге, и этот круг и есть сама жизнь» [Варела, 2023: 375]. Голландские дизайнеры и архитекторы вступают в этот круг жизни со своими техниками и рабочими инструментами, создавая ландшафты аффордансов и моделируя поверхности существования.

Утопический импульс художественных интервенций

Альтернатива рутинам и нормам повседневности, которую обещают ландшафты аффордансов, — это не предписание сверху, но практика экологического воспитания, где поиск новых способов взаимодействия с материальной средой и обучение им инициирует и ведет сам ученик в активном взаимодействии с миром.

Так, Марцин Виха припоминает, как ее отец комментировал различия капиталистического и социалистического дизайна упаковки витаминов с крышкой-защитой: «В нашем мире [Советской Польше] — подчеркивал отец — достаточно написать «не давайте детям» и заняться более важными делами. Ну, может, еще раздать в медицинских учреждениях миллион листовок, информирующих о страшных последствиях чрезмерного употребления витамина С. <...> их [США], судя по всему, не пытались перевоспитать. Кто-то признал неизменность человеческой природы, а потом посвятил немного времени, чтобы найти решение — крышку только для взрослых. <...> Мир, который подстроился под пользователя. Вместо того чтобы сгибать человеку позвоночник и прижимать голову к груди, предупреждая: «Осторожно, низкий потолок» (черно-желтые полосы и табличка «Помни о каске»), дизайн обещал если не толерантность, то хотя бы снисхождение» [Виха, 2021: 42–43].

И здесь метод RAAAF оказывается срединным. Архитекторы не создают проект офиса с линейкой стоячих рабочих мест, размещая на стенах плакаты о вреде непрерывной сидячей работы, но и не заполняют пространство мягкими креслами-мешками, давая телу раствориться в уюте и комфорте домашнего пространства. Вместо тотальной перековки общества социальной мобилизации или «усыпляющей» клиентоориентированности общества потребления RAAAF выбирает инструментом деконструкции и трансформации комфорта саму специфику нашего существования — активное действие тела в среде. Вместо давления *сверху* или поддержки *снизу* RAAAF действует *через* среду. Выбирая срединный путь между предписанным *извне* и наложенным *вовне*,

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

архитекторы студии будто продолжают «путь между Сциллой познания как восстановления предзакатного внешнего мира (реализм) и Харибдой познания как проекции внутреннего мира (идеализм)» [Варела, 2023: 314], намеченный трио энактивистов.

Результаты опытов с теми, кто вступил в контакт с инсталляцией, провозглашающей конец сидячего образа жизни, дают осторожную надежду на то, что задумка архитекторов, нацеленных на мягкую регуляцию и практическое смещение от однообразности сидения к разнообразию местоположений, была небезуспешной [Renauld, 2017; Withagen, 2016]. Посетители «The End of Sitting» предпочитали стоячее положение сидящему, а, оставаясь в этой среде продолжительное время, меняли позу до четырех раз, перемещаясь по ландшафту аффордансов. Студенты, чередовавшие обучение в классе за партами с занятиями в пространстве «The End of Sitting», не заметили разницы в качестве освоения учебного материала, однако отметили более энергичное и активное состояние после работы в инсталляции RAAAF. Когда объект «The End of Sitting» размещался в проходной зоне, редкие посетители ненадолго заглядывали в инсталляцию (отмечая ее удобство и готовность использования в будущем), тогда как остальные предпочитали экспериментальным поверхностям привычные лавочки, расположенные рядом.

Сложность вхождения в ландшафт «The End of Sitting», как мне представляется, лишь актуализирует значимость разработок RAAAF для выявления инертности нашего существования и закрытости человека в повседневности разнообразию, которое открывается в контакте с материальными средами. Проблемной оказывается не сидячий образ жизни, но непрерывная готовность к его воспроизводству, тот самый автоматизм, полный инерции, о котором писал Бруно Латур, отделяя рутину от привычки. Привычка в этой логике не противостоит возможностям изменения или смены фокуса внимания, «но чтобы иметь возможность измениться, мы всегда должны иметь возможность вернуться назад, и, таким образом, всегда сохранять тональность действия в поле зрения» [Latour, 2013: 270].

Студия RAAAF поддерживает эту тональность. Реабилитируя *тело* в его движении, переживании, рефлексивности и создавая *среду* обитания, архитекторы предлагают рассматривать существующие сегодня рутинные отношения человека с материальной средой не как константы, но лишь как одну из складок номадического ландшафта аффордансов. Полифункциональные поверхности студии призваны не утверждать новые ригидные нормы, но открывать пространство для рефлексии относительно существующего порядка, усиливая связность человека и среды. Утопический

импульс RAAAF, деавтоматизирующий рутины повседневности и обрисовывающий альтернативы им, способен инициировать и другие проблематизации. Может ли пластичность местоположений расшатать дисциплины офисной жизни? Обернется ли отказ от личных рабочих мест демонтажом иерархий, кризисом комфорта или подрывом координации (блужданием без понимания, куда приземлиться)? Будут ли в новых средах созданы новые социальные связи или утеряны привычные топосы коммуникации («разговоры в кулуарах»)?

В этих попытках вообразить и реализовать в материале офиса будущего важна сама оптика, не просто деавтоматизирующая восприятие и поведение, но и актуализирующая альтернативные способы существования на путях интенсивных и динамичных телесно-средовых отношений. Ведь, как отмечают классики энактивизма, «освобождение — это не то же самое, что жизнь в повседневном мире, обусловленном неведением и смятением; это жизнь и действие в повседневном мире с осознанием. Освобождение не означает бегство от мира; оно означает преобразования всего нашего способа существования, нашего способа отелеснивания в самом проживаемом мире» [Варела, 2023: 398].

The Environmental Method of the RAAAF Studio: Landscapes of Affordances and Experimental Surfaces of Existence

Anastasia I. Timofeenko

Postgraduate student.

National Research University "Higher School of Economics".

20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0004-2509-7467

timofeenko123@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the environmental method in the artistic practices of the Dutch studio Rietveld Architecture-Art-Affordances. The studio, founded by architects brothers Ronald and Erik Rietveld in 2006, is participating in the transformation of the modern aesthetic field, drifting along with cognitive science at the turn of the century from an understanding of cognition in terms of information processing to its interpretation as a process of co-evolution of the organism and the environment. Analyzing the projects "The End of Sitting" (2014) and "Breaking Habits" (2017), the author demonstrates the heuristic potential of ecological thinking in the enactivism of F. Varela, E. Thompson and E. Roch and the ecological psychology of J. Gibson for contemporary art and design. Particular attention is paid to the intensification of the interaction of body and environment in the landscapes of affordances created by RAAAF to undermine rigid ways

А.И. Тимофеевко
Энвайронментальный метод студии RAAAF: ландшафты аффордансов и экспериментальные поверхности существования

Keywords: RAAAF studio, enactivism, design, artistic interventions, utopian impulse, environmental method, physicality, environment, landscape of affordances, multifunctional surfaces.

For citation: Timoreenko A.I. The Environmental Method of the RAAAF Studio: Landscapes of Affordances and Experimental Surfaces of Existence // Chelovek. 2024. Vol. 35. N 5. P. 127-144. DOI: 10.31857/S0236200724050073

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии/ пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.

Bateson G. *Ecologiya razuma. Izbrannye statii po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology], transl. from English by D. Y. Fedotov, M. P. Papusha. Moscow: Smysl Publ., 2000.

Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум / пер. с англ. К. Тулуповой. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023.

Varela F., Thompson E., Rosch E. *Otesnennyj'j um* [Embodied Mind], transl. from English by K. Tupulova. Moscow: Foundation "Sokhranim Tibet" Publ., 2023.

Вигарелло Ж. История усталости от Средневековья до наших дней / пер. с фр. О. Панайотти. М: Новое литературное обозрение, 2024.

Vigarelo G. *Istoriya ustalosti ot Srednevekoviya do nashikh dnei* [Histotie de la Fatigue du Moyen âge à nos jours], transl. From French by O. Panajotti. Moscow: Novoe Literatyrnoe Obozrenie Publ., 2024.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского.
М.: АСТ: Астрель, 2010.

Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations], transl. from German by L. Dobroselskij. Moscow: AST: Astrel Publ., 2010.

Виха М. Как я разлюбил дизайн/ пер. с пол. П. С. Козеренко, О. В. Чехова. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2021.

Wicha M. *Kak ya razlybil desajn* [How I Stopped Loving Design], transl. from Polish by P. S. Kozerenko, O. V. Chekhova. St. Petersburg: Ivana Limbaha Publ., 2021.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию/ пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Gibson J. *Ecologicheskij podhod k zritelnomu vospriyatiyu* [Ecological Approach to Visual Perception], transl. from English. Moscow: Progress Publ., 1988

Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. Москва: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

Deleuze G. Logica smysla [The Logic of Sense], transl. from French by Y. I. Svirskij. Moscow: Raritet, Yekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.

- Джеймисон Ф. Политика утопии // Художественный журнал. 2011. № 84. С. 10–26.
Jameson F. *Politika utopii* [The Politics of Utopia], *Khudozhestvennyj zurnal*. 2011. N 84. P. 10–26.
- Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
Knyazeva E.N. *Evactivism: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: a new Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow; St. Petersburg: Tzentr Gumanitarnykh Nauk Publ., Universitetskaya Kniga Publ., 2014.
- Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. Суприна. СПб.: Сенсор, 2000.
Lewin K. *Teoriya polya v sotsialnyh naukah* [Field Theory in Social Science], transl. by E. Suprina. St. Petersburg: Sensor Publ., 2000.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия/ пер. с фр. И. С. Вдовиной. СПб.: Ювента Наука, 1999.
Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phénoménologie de la perception], transl. from French by I. S. Vdovina. St. Petersburg: Yuventa Nauka Publ., 1999.
- Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе/ пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
Sendra P., Sennett P. *Proetkirovat' besporyadok: Eksperimenty i transgresii v gorode* [Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City], transl. from English by I. Kushnarevoy. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2022.
- Строкина А.Н. Рабочая поза как объект междисциплинарного исследования // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2007.
Strokina A. N. *Rabochaya poza kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Working Posture as an Object of Interdisciplinary]. *Psikhologiya telesnosti mezdu dushoi i telom* [Psychology of physicality between soul and body], ed.-compil. by V.P. Zinchenko, T.S. Levi. Moscow: AST Publ., 2007.
- Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна / пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Flusser V. *O polozhenii veshei. Malaya filosofiya desaina* [Vom Stand der Dinge. Eine kleine Philosophie des Design], transl. from German. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2016.
- Bruno G. *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. University of Chicago Press, 2014.
- Jameson F. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia*. London, New York: Verso, 2005.
- Mitchell W.J.T. Space, Place and Landscape. *Landscape and Power*, Mitchell W.J.T. (ed). Chicago: The University of Chicago Press, 2002.
- Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2013.
- Merleau-Ponty M. *The Structure of Behavior*. Boston: Beacon Press, 1963.
- Norman D. *The Design of Everyday Things. Revised and Expanded Edition*. New York: Basic Books, 2013

А.И. Тимофеенко
Энвайронмен-
тальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордан-
сов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

- Office Furniture of the Future: “never sit down”. *Global Design News*. 2021. URL: <https://globaldesignnews.com/office-furniture-of-the-future-never-sit-down/> (date of access: 20.06.2024)
- Renaud L.R., Huysmans M. A., Spekle E.M., van der Beek A.J., van der Ploeg H.P. “The End of Sitting” in a public space: observations of spontaneous visitors. *BMC Public Space*. 2017. N 17. P. 937.
- Rhodes M. The Weirdest Proposal Yet for the “Office of the Future”. *Wired*. 2014. URL: <https://www.wired.com/2014/12/weirdest-proposal-yet-office-future/> (date of access: 20.06.2024)
- Rietveld E., Kiverstein J. A Rich Landscape of Affordances. *Ecological Psychology*. 2014. Vol. 26(4). P. 325–352.
- Uexküll J. von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. B.: Verlag von Julius, 1909.
- Williams A. RAAAF Puts a New Angle on the Office of the Future. *New Atlas*. 2014. URL: <https://newatlas.com/the-end-of-sitting-raaaf/35213/> (date of access: 20.06.2024)
- Withagen R., Caljouw S. R. “The End of Sitting”: An Empirical Study on Working in an Office of the Future. *Spots Meds*. 2016. N 46. P. 1019–1027.